Что приходит с болот в сухую ночь?

рассказ

Xenia Pike

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Xenia Pike

Что приходит с болот в Сухую Ночь?

«Автор»
2025

Pike X.

Что приходит с болот в Сухую Ночь? / X. Pike — «Автор», 2025

В Сухой Ночи Картель Чёрных художников празднует удачную сделку — редкая картина вернулась к старому владельцу и должна вскоре отправиться вместе с ним в Скоркос. Но истории, как известно, редко кончаются так, как задумывались изначально. На суд к Нибу приводят карточного шулера по имени Инк, и, разумеется, когда тот уходит, выясняется, что он кое-что прихватил с собой. Ниб не из тех, кто оставит такую дерзость без ответа. В Сухой Ночи прямо во время празднества начинается охота.

© Pike X., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Пролог 5
Глава 2. Сон, который не ушёл 6
Глава 3. До того, как колокола перестали звенеть 10
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Xenia Pike
Что приходит с болот в Сухую Ночь?

Глава 1. Пролог

Начало второго ночного такта.

У эмоций, как и у вина, есть вкус. Радость сладка, обида горчит, а тоска ещё долго мучает терпким послевкусием. Но страх, пожалуй, самая правдивая из всех эмоций. Страх самая естественная из всех эмоций. Страх заставляет действовать: бежать, прятаться, убивать… Он способен парализовать сознание, притупить мораль, сделать важной только собственную жизнь. Страх неповторим для каждого и в то же время присущ всем. Кто-то боится пауков, кто-то — налоговой инспекции. Но есть вещь, которой страшится всё живое и неживое…

Возможно, именно поэтому призраки сильнее всего реагируют именно на эту эмоцию. Являются под покровом морока, стягивают одеяла и щиплют за ноги спящих. Не для того, чтобы нанести вред, нет. Всё ради того, чтобы посеять семена страха. А после собрать благодатный урожай.

Ниб понял это в тот момент, когда в глазах Инка отразился настоящий, несыгранный ужас, а нечто холодное, не имеющее плоти или веса, скользнуло по его собственной щеке и аккуратно провело по шее.

У призрака не было тела в общепринятом понимании. Он больше походил на пятно краски, которое художник разлил неосторожным движением. Существо свободно плавало в воздухе, не торопилось. Ниб почувствовал, как ещё одно туманное щупальце коснулось руки и принялось методично изучать его запястья, сжимавшие лацканы чужого пиджака. От этих прикосновений кровь стыла в жилах, а на коже оставались следы, видимые только при особом омуреновом освещении.

Фонари погасли.

Нет, не так. Чёрный туман, именуемый здесь хазом, как театральный занавес, опустился на город, и всю улицу окутала глубокая, непроницаемая тьма. Могло показаться, что в ней нет ничего, кроме бесконечной пустоты, словно стоишь на краю бездны. Это ложь. Иллюзия, созданная тем же художником, что разлил краску. И если знать, куда смотреть, можно увидеть, как в чёрном тумане, хазе, что-то движется…

Не двигайся, не дыши, контролируй эмоции, — приказал себе Ниб, — и призрак отпустит тебя. Тогда, в Сонта-Ллуэву, он именно так и сделал. Пробирался по крышам, затаив дыхание, не испытывая ни жалости, ни страха. Город провалился в хаз, но ему удалось сбежать и вынести товар. Месяц спустя то, что сожрало Сонта-Ллуэву, добралось до Сухой Ночи.

Глава 2. Сон, который не ушёл

Полтакта до темноты.

— Высшее мастерство художника, как это ни парадоксально, обнаруживается в намеренно допущенной слабости, — сказал Ниб, не меняя ленивой, почти театральной позы.

На низком столике рядом с диваном булькал старый фоноскрипт. Из механизма лилась музыка. Клавишные и духовые переливались в ритме, напоминающем то марш, то траурную мессу. В комнату через витражную панель проникал уличный свет, отбрасывая на пол багровые и янтарные пятна. Панели — мера вынужденная. Солнечные кристаллы в этих краях были роскошью, поэтому приходилось прибегать к сложным декорациям, разбавляя красками тускло-серые и голубоватые оттенки омурена.

Взгляд Ниба приковало полотно под названием “Сон до рассвета”. Это только первая часть названия, пользовавшаяся популярностью у критиков и, на взгляд Ниба, не отражающая глубинной идеи. Сколько лет прошло с той проклятой ночи, когда Ниб в первый и в последний раз видел “Сон”? Восемь? Шестнадцать? Двадцать четыре.

Полотно длиной почти во всю стену изобиловало яркими красками, рваными, почти агрессивными линиями, намеренно нарушенными пропорциями и вывернутыми наизнанку формами. Всё это в совокупности придавало изображению ту самую выразительную неустойчивость, которую дурни-критики Алваны дуже Мариссе предпочитали именовать “мистическим дисбалансом”, заменяя сложной конструкцией куда более простое слово “тревожность”. “Сон до рассвета, который не ушёл” — вот истинное название картины.

Сумрак, сидевшая за столом напротив, выпустила облачко дыма и подняла глаза. Её лицо растворилось бы в сизом тумане, если бы не сияние солнечных кристаллов, не единственной валюты, но той, что имела реальную ценность.

— Калде́расы наводят справки о том, что случилось в Сонта-Ллуэву, — сказала она.

— Взгляни на эту картину, — предложил Ниб, — идеальна в своей неправильности. Алвана искусно маскирует ошибки, манипулирует зрителем, заставляет смотреть туда, где очевидная слабость кажется силой, чтобы спрятать секреты на виду. В чём-то это роднит её искусство с театральной постановкой.

— Я серьёзно, Ниб.

— Как и я. Именно по намеренно допущенным ошибкам можно отличить оригинал среди сотни подделок. Все они стремятся стать безупречной копией, в то время как от Алваны требуется всего лишь быть достаточно убедительной.

— Орселю это не понравится.

Сумрак положила последний кристалл толщиной с большой палец в коробку. Встала, на миг заслонив картину Алваны, и с осторожностью водрузила коробку рядом с фоноскриптом, в пределах досягаемости Ниба. Затем вновь опустилась на своё место.

— Тебе не кажется закономерным, что хаз следует за ней? — спросила она.

— Дорогая Сумрак, не пой канареечью арию в терновнике. Слишком рано для траурных мотивов. Хаз пришёл в Сонта-Ллуэву — дуве! Случилось то, что случилось. Придётся признать, что здесь, как ни крути, уместно выражение “трагическая неизбежность”.

Сумрак недоверчиво покосилась на стену. Ниб не нуждался в уточнении: её тревожил не тот “Сон”, на который смотрели они оба, а другой, тот, что висел за стенкой.

Впрочем, “Сон до рассвета” не был единственным украшением в этой дыре, именуемой Сухая Ночь. На стенах висели и другие: строгие и пышные, в золочёных рамах и без них. Все подделки. Безупречные, выверенные, но всё же подделки. Подлинные работы Алваны дуже Мариссе Ниб видел лишь в мастерской своей матери. По крайней мере, до рокового аукциона в Сонта-Ллуэву.

Скрипнули доски. На этаж поднимались четверо. Троих Ниб узнал сразу: пёс со своей сворой. А вот четвёртый был незнаком. Запинался и похоже волочил одну ногу.

Дверь без стука распахнулась, и в кабинет ввалился тяжеловес с пышными бакенбардами. Гордый король неудачников. Впрочем, реальность была куда менее величественной. Обычная сволочь, каких любой желающий может вдоволь насмотреться, спустившись к нижним причалам Устья Стервы, существо не столько опасное, сколько удручающе предсказуемое. Лот пах подлинно Сухой Ночью: стойкой смесью болотной тины, рыбьей чешуи и птичьего помёта.

— Я выловил в болоте пиявку, Ниб, — торжественно объявил он с порога, пыхтя и хрипя, как старый заводной механизм, хотя преодолел всего лишь один этаж. Страсть к алкоголю и чёрной соли превращала этот маршрут почти в подвиг. Не героический, но, скажем так, трудовой.

— Впечатляющий прогресс, — отозвался Ниб. — До недавнего времени мне казалось, что твой потолок — навязчивое жужжание и бесцельное ползание в грязи. Но ты преодолеваешь себя. Это вдохновляет.

Ниб лениво повернул голову. Сухая Ночь нагоняла на него скуку. Всё в ней стояло на своих местах: грубо, нарочито симметрично, неоригинально. Художник, рисовавший картину панораму гниющего в болотах города, забыл главное — искажение. Сухой Ночи не хватало перекоса, что нарушал бы гармонию.

— Говори, с чем пришёл, или проваливай, — процедила Сумрак. Ниб ценил в ней честность и прямоту куда больше умения считать или нарезать мясо.

— Эта пиявка должна мне денег!

Один из лотовских псов вытолкнул незнакомого парня вперёд. Тот не удержался на ногах и рухнул на пол. Ниб поморщился: не хватало ещё, чтобы мстительная натура вожака этой шайки изгадила ему ковёр.

Незнакомец стёр кровь рукой. Чтобы встать, ему потребовалось опереться на столик с фоноскиптом. Длинный и тощий, с выразительными скулами и той породой уродливой привлекательности, что редко идёт в паре с добродетелью. Нибу пришло в голову сравнение с полотном Алваны: все мазки выверены, но что-то неуловимо сбито. В первую очередь внимание привлекала разбитая губа, а под левым глазом зрел фиолетово-винный синяк. Но было что-то ещё, чего он никак не мог распознать.

— Ничего я не должен! — заявил человек. — Этот идиот поставил всё, что у него было, и проиграл.

Ниб обратился к Лоту:

— Это так?

— Он жульничал, Ниб.

— А ты, значит, добровольно присоединился к интеллектуальному состязанию с тем, кого обвиняешь в шулерстве. Это, как бы сказать… не самое дальновидное решение, особенно с учётом твоих невпечатляющих аналитических способностей.

— Ты же не собираешься просто так отпустить его, Ниб? Он… он должен заплатить!

Музыка в фоноскрипте сменилась. Вальс. Неподходящий, и оттого пугающе уместный.

Ниб встал.

— Как тебя зовут? — обратился он к парню.

— Хочешь позвать на свидание?

Усмешка. На разбитой губе скопилась кровь, и парень слизнул её языком.

— Предпочитаю обращаться к людям по имени. Это упрощает будущие разговоры, если они, конечно, случатся. Но если тебе больше нравится “пиявка”, то…

— Инк.

— Прекрасно. — Ниб кивнул и обратился с вопросом к бакенбардам Лота: — Ты не возражаешь, если я кратко воспроизведу хронологию событий?

Громкого мокрого сопения в качестве согласия было достаточно. Ниб расправил невидимую мантию. Настало время его партии.

— Ты сел играть с Инком, поставил сумму…

— Сто пятьдесят, — услужливо вставил Инк.

— Доля банды, — подчеркнула немаловажный факт Сумрак.

— Ниб, слушай… — воззвал Лот.

Ниб цокнул языком и продолжил:

— Затем обнаружил себя в выгребной яме и посредством самоанализа пришёл к выводу, что твоей вины в этом нет. После чего отправился на поиски справедливости. Хочу отметить, что трое на одного — весьма честно, когда на кону не только финансовое благополучие, но и место в банде.

— Погоди, мужик…

— Отличная идея, в самом деле, — похвалил Ниб. — Я рад, что ты подстелил соломки на случай, если кто-то втрое легче всё же сможет уйти от тебя. — Ниб щёлкнул пальцами. — Но Инк оказался умнее, и деньги ты не вернул, иначе не приполз бы ко мне. Поправь, где я ошибся.

Ниб обвёл аудиторию изучающим взглядом. Усмешка Инка была слишком явной для человека с разбитым лицом и коленом. Особенно среди тех, кто не прочь был бы разбить всё остальное. Самонадеянно, даже вызывающе. Впрочем, Ниб понимал. На его месте он бы тоже делал вид, что всё идёт по плану, ведь ничто так не маскирует провал, как тщательно разыгранный триумф.

— Ты обуза для нас, — сказала Сумрак.

Она прикурила новую сигарету от старой и выпустила новое облако дыма. Скука на её лице была почти демонстративной, и именно это раздражало Ниба больше всего. Он не выносил, когда кто-то позволял себе скучать в его присутствии, словно спектакль провалился, когда первый акт только начался.

— Ниб, мы же… друзья. А это болотная пиявка! Пиявка, тьфу!

— Нет-нет, давай без преждевременных заключений. Мы почти достигли кульминации.

Ниб закатал рукава рубашки (настоящей) и размял костяшки пальцев. Блохастые псы нервно переступали с ноги на ногу, но даже не подумали тявкнуть, когда Ниб крепко вцепился пальцами в плечо их вожака и сжал так, что желваки толстяка заходили под бакенбардами.

— Вот, что меня утомляет больше всего в тебе: ты ставишь и проигрываешь. Снова, и снова, и снова. Ты, мой друг, застрял в бесконечном цикле повторений. Это всегда тревожный сигнал. Прости меня за то, что не придал этому должного значения раньше. Но теперь всё моё внимание сосредоточено только на тебе.

— В хаз тебя, Ниб!

— Ох, старина, если бы ты проигрывал своё, мы бы все вместе посмеялись над жалкой комедией, что ты именуешь своей жизнью. Но ты поставил деньги Орселя. А это уже другой жанр. Трагедия, понимаешь?

Настало время заключительного акта этой маленькой пьески. *Надеюсь, дорогая Сумрак, это хорошо повеселит тебя*, — подумал Ниб и ударил Лота в живот. Расплата настигла его не со злобой, скорее с усталостью. Мужчина охнул и с шумом выпустил воздух, согнувшись пополам и хватаясь за брюхо. Бить его всё равно, что окунать руку в болотную жижу, неприятно.

— Это… ох… несправедливо…

— А жизнь вообще несправедлива, — прошипел Ниб, вытирая руку. — Ты вернёшь всё, включая то, что украл раньше. Ты же не думал всерьёз, что твои игры с малышкой Иви останутся в секрете, правда?

— Мерзость.

Сумрак выплюнула слово, как яд.

— Я не… Он… знает… где деньги… Ниб, — хрипел толстяк.

Внезапно свет в комнате погас раньше положенного. Фоноскрипт сбился на полтакта, звук провалился, и из механизма посыпались искажённые ноты. Тугой, раздирающий уши скрежет. Музыка, которой не должно существовать. Ниб застонал от боли, даже Сумрак выронила сигарету и схватилась за голову.

— Ах, выключите его же! — потребовал Ниб сквозь стиснутые зубы.

Инк отозвался первым. Подскочив к столу, он щёлкнул рычажком на фоноскрипте, заставив его замолкнуть, и уселся на диван. В наступившей тишине его взгляд нашёл коробку, сквозь щель в крышке которой сиял солнечный свет. Ниб чуть сощурил глаза, давая понять Инку, что он заметил, что тот заметил. В их молчаливом обмене взглядами было всё: и намерение, и интерес, и, разумеется, взаимное недоверие.

Ты видишь, — подумал Ниб. — *Я вижу, что ты видишь. Помни об этом.*

Комната опустела.

Сумрак ушла, оставив упрямый запах дыма, смешанный со стойким привкусом неправоты. В число её талантов входил, выражаясь буквально и фигурально, острый дар убеждения, к которому Ниб прибегал довольно часто. Он не собирался оставлять деньги банды карточному шулеру и послал её проследить за Инком. Если Ниб прав (а это так), Инк достаточно умён, чтобы забрать деньги и сбежать из Сухой Ночи сразу же, как окажется на свободе.

Ниб щёлкнул рычажком, и фоноскрипт вернулся к ровному ритму. Ниб откинулся на спинку дивана с бокалом янтарного и попытался насладиться одиночеством. Не вышло. Музыка зазвучала правильно, но что-то не давало покоя. И дело было не в проигрыше, не в Лоте и даже не в тревожных намёках Сумрак. Нет, тут что-то другое. *Ищи искажения*, — напомнил он себе. Не случайные ошибки, а те, что выглядят как слабость, но совершены нарочно.

Он снова и снова прокручивал в памяти встречу. Ни один из псов не рискнул бы играть с ним в открытую, но Инк… Инк был интересен сам по себе. Ниб внимательно следил за тем, как тот двигался. Тёмные, почти чёрные глаза скользили по комнате, окнам, заставленными деревянными панелями, картинами, бутылкам, но ни на чём не задерживались. Уловка. Ниб не сомневался, что это глаза подмечали мельчайшие детали. Острый нос втягивал чуть сладковатый запах вина, которое предложил Ниб перед прощанием, губы, сжатые в тонкую полосу, когда алкоголь коснулся раны. Рука, протянутая к коробке. Нога…

Нога.

Когда фоноскрипт дал сбой, Инк подскочил первым. И он больше не хромал.

Ниб кинулся к столику, чтобы проверить, на месте ли кристаллы. Пальцы провалились сквозь коробку и коснулись гладкого дерева. Он подвигал рукой, но упрямый туман тёк между пальцами и вновь обретал форму. Ниб был зачарован. Иллюзия не рассеялась даже когда он подвинул стол. Коробка просто висела в воздухе, словно подвешенная на невидимые нити.

— Хаз, — выдохнул он. — Не может быть.

Ниб ожидал злости. Должен был разозлиться. Его легко провели. Совсем как Лота. Но вместо гнева он ощутил почти упоительный восторг. Пожалуй, даже в тихом болоте можно встретить нечто интересное.

Глава 3. До того, как колокола перестали звенеть

Меньше четверти такта до темноты.

Ничего из этого Инк не планировал. Его сердце — не сердце поэта или мыслителя. Оно больше подходит для карманных драм и быстрых решений. Он до последнего не верил, что синюшный жирдяй и правда работает на Чёрных художников. Ну вот, прям — *Lé Kartelle á Qara Ressam*, как название звучало на местном языке.

Дом, куда его привели, оказался пыльной коробкой на покосившихся сваях. Для полноты картины можно добавить банку сырости и просыпать мешок плесени. Только верхний этаж жил. Там играла музыка и всё в хазовых картинах. Болезненно-помешанные, растекающиеся, маниакальные. Как будто Инк попал в… галерею. Единственное сравнение, пришедшее на тот момент в голову.

Внутри сидели двое. Женщина. От одного взгляда на покрытое шрамами лицо по спине Инка пошли мурашки холодного предвкушения. А когда он наконец увидел его… Инк не мог противиться своей природе: хватай и беги, с проблемами разберёшься позже. Именно так он и сделал. Увидел возможность и воспользовался.

Украсть у ближайшего соратника Орселя (находясь с ним в одной комнате!) было даже для Инка чуть больше, чем смело. Это было грандиозно! Про такие штуки потом проститутки шепчутся в переулках. Если ему, конечно, удастся выбраться живым из Сухой Ночи и рассказать кому-то об этом. Ниб, хоть и вёл себя, как цирковой фокусник, дураком не был. Репутацию по югу таким не строят. Сплетённая Инком иллюзия безупречна, но до утра Ниб всё поймёт. А значит, Инку пора собирать скудные пожитки и отчаливать из города. Быстро.

Он мчался по дощатому настилу, как кот с петардой под хвостом, распугивая первых карнавальщиков в звериных масках. В Сухой Ночи темнело раньше, чем положено. Деревья стянули город тугим кольцом, отбрасывая длинные тени, и вокруг сгущался сумрак позднего вечера. Выбраться отсюда можно было двумя путями.

Первый — по реке.

Инк застал капитана, когда тот сходил по трапу на берег.

— Э, не, парень. Я сегодня своё отплавал. Знаешь, что это? — Он продемонстрировал Инку парные птичьи маски, большую и маленькую. — Специально заказывал. Первая ночь Матери Трещин у моей дочурки. Я такое не пропущу, даже если крокодилы начнут биться хвостами о борт. Мой тебе совет: найди девицу на вечер. Я привёз целый ворох в таких кукольных масочках…

Капитан причмокнул и рассмеялся. Инк спешно кивнул, на ходу обдумывая второй путь. Через трясину. Ночью. Без фонаря. Многочисленные рептилии, желающие отведать его костлявой плоти, — не самая большая опасность, которую можно встретить там. Ведь был ещё хаз. Чёрный туман не заходил в поселения, но в дикой местности можно было наткнуться на него, случайно свернув с тропы. И познакомиться с тем, что живёт в нём.

Тебе это не впервой, — подбодрил себя Инк. Сначала — в отель. Забрать деньги.

Инк вбежал в комнату, закрылся, швырнул на кровать ящик с кристаллами, опустился на пол, откинул старый палас, нашёл нужную доску, поднял её. Сверток на месте. Отлично. Внутри, разумеется, деньги.

Ящик Ниба — простая шкатулка без секретов, взломать её не составило труда. Десяток сияющих жёлтым светом кристаллов рассыпались по кровати.

Свой выигрыш в карты Инк разделил на четыре доли. Самой большой заменил содержимое ящика Ниба. Это будет его запасной план. Вторая отправилась в потайной карман пиджака вместе с несколькими кристаллами. Третья — в ботинок, последняя — в шляпу. Да-да, у Инка была шляпа с секретами. Оставалась ещё небольшая горстка солнечной соли…

Стук в дверь. *Хаз, уже!*

— Вам понадобится моя помощь этой ночью? — поинтересовался девичий голос по ту сторону двери.

Инк её “помощью” никогда не пользовался. Девушка была подставной. Спрятать оставшиеся кристаллы он, очевидно, не успеет. Зато успеет дать дёру в окно.

Стук стал злее. Кто-то не такой молодой и сладкоголосый грязно выругался и начал ломать дверь. Единственный отель Сухой Ночи стар как сам город, и двери, соответственно, тоже. Та сдалась предательски легко при первом же давлении и не просто распахнулась, явив знакомую красную рожу с увесистыми бакенбардами, но вылетела вместе с щеколдой, разнеся косяк в щепки.

Инк убрал задвижку, распахнул окно, перебросил ногу, наполовину высунувшись наружу, глянул с третьего этажа на вспыхивающий огнями город. С центральной площади доносилась музыка, а из помещения — злобное хрюканье.

— Ах ты, пиявка! — взревел Лот и рванул вперёд.

Инк — в окно. К счастью, там как раз торчала крыша веранды. Одна нога там, другая здесь. Лот успел схватиться за ботинок. Дёрнул — Инк ударился лицом о доски снаружи здания. Повис вниз головой.

— Не уйдёшь! Где мои деньги, пиявка?!

Инк дрыгал ногами, стараясь удержать одной рукой драгоценную шляпу на голове, а второй — суметь за что-нибудь зацепиться. Его противник кряхтел, пытаясь втянуть его обратно.

— Босс, тут на кровати целая куча денег! — раздался приглушённый мужской голос.

— И солнечные кристаллы, — вторил другой. — Да мы везунчики, босс!

Жадная сволочь чуть ослабила хватку. Инк извернулся, как жирный сом, задёргался так, словно по нему ползал с десяток пиявок, и выскользнул. Долгожданная свобода обернулась коротким полётом и скорым столкновением сначала с кровлей веранды, а затем и встречей лицом к лицу с дощатой реальностью улиц Сухой Ночи. Могло быть хуже. Избитый, окровавленный, но живой и свободный, Инк вскочил и побежал.

Он устал, но не от бега. А от того, что каждый раз, в каждом новом городе приходится начинать круг заново. Хоть бы в этот раз не остаться с пустыми руками.

Инк нырнул в переулок между консервной лавкой и аптекой с обвалившейся лепниной, прошмыгнул сквозь дырявую ограду и оказался на одной из самых богато украшенных улочек Сухой Ночи. Дома стояли в два или в три этажа, с резными балконами, жалюзи и множеством огней и раскрашенных костей на облупленных фасадах. Вздрагивая от звуков чужих каблуков по дереву, Инк пронёсся через весь город к кладбищу.

Там было тихо. Редкие уличные фонари плевались омуреном. Свет вспыхивал, судорожно бился и гас, словно город дышал всхлипами. Кладбище пряталось в лощине, в стороне от улиц, под сенью исполинских деревьев, склонившихся в безмолвном трауре, за ржавой оградой, оплетённой ядовитым плющом. Словом, лучшее место, чтобы спрятаться.

Тук-тук-тук, ботинки отбивали ритм, зубы терзали разбитую губу. *Может, всё-таки это был не Ниб?* — думал Инк. Жирдяй со своими дружками, как будто, вломились не ради кристаллов. Ну, по крайней мере, вначале.

Возможно, у него ещё есть время. Нужно лишь дождаться начала праздника. Тогда весь город заполонят гуляющие, и Инку не составит труда затеряться в толпе и прошмыгнуть под носом Картеля. Инк достаточно безумен, чтобы отправиться через болота ночью, но он не настолько глуп, чтобы делать это без фонаря. К счастью, его шляпа, пиджак и ботинки набиты источниками света.

Инк замедлил шаг, ступая по гнилому, деревянному настилу. Доска преломилась со треском и хлюпаньем, и болото тут же вцепилось в лодыжку холодной и мокрой хваткой. Брр! По телу прошла волна мурашек. Он рванул ногу вверх и тут же чуть не оступился, когда другая

доска опасно заскрипела. Вовремя заметил поблёскивающие в щели зубцы капкана. Кто-то оставил его здесь от злобных ящериц, которые не против питаться падалью. Инк предпочитал думать именно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.